

О книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»

ОТ АВТОРА. Как известно, первая часть книги А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» была опубликована на русском языке в Париже в январе 1974 года. Издание этой книги стало международной сенсацией и поводом для одной из самых крупных пропагандистских кампаний. В западной печати книга оценивалась как одна из наиболее важных книг XX века, тогда как в советской печати об «Архипелаге» писали как о клеветническом и антисоветском произведении, а Солженицына именовали не иначе как литературным врасолом. Большие отрывки из этой книги были опубликованы почти во всех крупных западных газетах. В это же время на американских газет с просьбой о рецензии на солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ». Я счел необходимым откликнуться на это предложение, и моя рецензия была опубликована в феврале 1974 года во многих западных газетах.

Теперь, когда книги Солженицына возвращаются на родину и «Архипелаг ГУЛАГ» в сокращенном виде опубликован в журнале «Новый мир» (а полностью выпускается издательством «Советский писатель»), я считаю полезным и нужным опубликовать высказанные мной в те годы соображения.

ОБЩАЯ ОЦЕНКА КНИГИ.

В данной статье я попытался выразить лишь краткое предварительное суждение о новой книге А. И. Солженицына. И не только потому, что из трех томов автор опубликовал лишь первый. Уже опубликованное слишком значительно, чтобы охватить и оценить его сразу. Книга Солженицына до предела наполнена страшными фактами, и много меньше количество которых с трудом укладывается в голове. В ней конкретное описание необычных и трагических судеб сотен людей, столь типичных, однако, для прошедших десятилетий. Эта книга полна мыслей и наблюдений, как глубоких и верных, так и не всегда верных, но родившихся в чудовищных страданиях десятков миллионов людей, страданиях, каких еще не переживал наш народ за свою многовековую историю. Никто не выходил из страшного «Архипелага» сталинских лагерей и тюрем таким, каким он входил туда, и не только по возрасту и здоровью, но и по своим представлениям о жизни и людях. Думаю, мало кто встанет из-за стола, прочитав эту книгу, таким же, каким он раскрыл ее первую страницу. В этом отношении мне просто не с чем сравнить книгу Солженицына ни в русской, ни в мировой литературе.

О ФАКТАХ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ СОЛЖЕНИЦЫНА. Некто И. Соловьев пишет в «Правде» (14.1)*, что факты, приводимые в книге Солженицына, недостоверны, что они плод большого воображения или дичинной фальсификации автора.

Это, конечно, не так. Я не могу согласиться со многими оценками и выводами Солженицына. Но нужно твердо сказать, что все основные факты, приведенные в его книге, а тем более все подробности жизни и мучений заключенных от их ареста и до смерти, а в более редких случаях — до выхода на свободу, полностью достоверны.

Конечно, в столь обширном художественном исследовании, которое основано не только на наблюдениях самого автора, но и на свидетельствах и рассказах и переказах более чем 200 бывших заключенных, неизбежно встречаются некоторые неточности, тем более что Солженицын вынужден был создавать свою книгу в глубокой тайне и не имел возможности обсудить ее до публикации даже со многими из близких своих друзей. Но этих неточностей очень мало для такой значительной книги. Я думаю, например, что размеры высылений из Ленинграда — Кировский поток в 1934—1935 гг. — были меньше, чем указывает Солженицын. Были высланы десятки тысяч людей, но не четверть населения этого уже тогда двухмиллионного города. Но и у меня нет точных цифр, я руковождству лишь отрывочными свидетельствами и собственными впечатлениями (я жил в Ленинграде больше 15 лет).

Трудно поверить в рассказ безвестного информатора Солженицына об обычае Орджоникидзе разговаривать со старыми инженерами при двух пистолетах, лежащих справа и слева на письменном столе. Чтобы вылавливать чиновников из судебных органов, жандармерии и т. п., ГПУ не требовалось пользоваться какими-то случайными записями случайных людей: соответствующие списки можно было найти и в местных архивах, и в опубликованных справочниках. Думаю, что Солженицын преувеличивает цифру крестьян, высланных в годы коллективизации (15 миллионов). Но если довести к жертвам этих лет крестьян, умерших от голода в 1932—1933 годах (только на Украине не меньше 3—4 миллионов человек), то может получиться цифра и побольше той, которую приводит Солженицын. После смерти Сталина были посажены в тюрьму или расстреляны — во

многих случаях без открытого суда — не десять, а что-то около сотни ответственных работников МГБ — МВД. Но это все равно ничтожно мало в сравнении с количеством преступников из «органов», которые остались на свободе и даже получили различные ответственные должности или крупные и почетные пенсии. Бухарин в 1936—1937 годах не был уже членом Политбюро, как пишет Солженицын, а лишь кандидатом в члены ЦК. Во фразе о том, что кровь «штрафных» рот была «цементом фундамента Сталинградской победы», Солженицын явно пропустил небольшое слово «тоже».

Но все эти и некоторые другие неточности несущественны для столь грандиозного художественного исследования, которое предпринял Солженицын. С другой стороны, в книге Солженицына есть и другие недочеты, о которых он сам пишет в «Посвящении», он не все увидел, не все вспомнил, не обо всем догадался. Он пишет, например, об аресте амнистированных репатрированных казаков в конце 20-х годов. Но ведь была еще страшная по своим последствиям кампания «расказачивания» и массового террора на Дону и Урале в зиму и весну 1919 года. Эта кампания продолжалась всего два с лишним месяца, но затянула гражданскую войну со всеми ее эксцессами не менее чем на год, дав белым армиям десятки новых конных полков. А расстрел 500 заложников в Петрограде, о котором в «Еженедельнике ВЧК» говорится всего в двух строчках... Чтобы все это описать, нужно еще много книг. Я верю, они будут написаны.

Если «Правда» пытается доказать, что факты, приведенные Солженицыным, недостоверны, то «Литературная газета» (16.1) пытается убедить своих читателей, что в книге Солженицына не содержится ничего нового. И это неверно. Хотя я занимаюсь изучением сталинизма более десяти лет, я нашел в книге Солженицына много для себя неизвестного. Если не говорить о старых лагерниках, то советскому человеку еще XX и XXII съезды КПСС, вряд ли известна десятая часть фактов, о которых пишет Солженицын. А молодежь, пожалуй, не знает и сотой части этих фактов.

СОЛЖЕНИЦЫН О ВЛАСОВЦАХ. Многие газеты пишут, что Солженицын оправдывает, обеляет и даже воспевает власовцев.

Это сознательное и злонамеренное искажение. Солженицын пишет в «Архипелаге», что власовцы стали жалкими наемниками гитлеровцев, что «власовцев можно судить за измену», что они взяли оружие врага и, попадая на фронт, дрались с отчаянием обреченных. Сам Солженицын со своей батареей был едва не уничтожен в Восточной Пруссии отгнем власовцев и других подобных им подразделений фашистской армии.

В многочисленных «потоках» сталинских репрессий у многих из нас есть и свои особые трагедии. Я знаю, например, что для А. Твардовского это было раскулачивание, под которое попал и его отец, старательный крестьянин из бедняков, недавний боец Красной Армии, защитник Советской власти. Он был выслан за Урал со всей семьей, случайно уцелел лишь его средний сын, ушедший учиться в город, будущий наш великий поэт. И пришлося Твардовскому тогда отказываться от отца. Обо всем этом он пишет в своей последней поэме «По праву памяти».

Для моей семьи трагедией стали репрессии 1937—1938 годов, особенно среди командиров и комиссаров Красной Армии, в числе последних был арестован и погиб мой отец, дивизионный комиссар и преподаватель Военно-политической академии РККА. Это были люди бесконечно преданные Советской власти, социализму и коммунистической партии, как участники гражданской войны они казались мне роман-

тическими героями, и я никогда не верил, что они — враги народа.

Для Солженицына такой глубоко личной трагедией стал не его собственный арест, а жестокая и страшная судьба миллионов советских военнопленных, ровесников Солженицына, ровесников Октября, составивших в июне 1941 года большую часть нашей кадровой армии. Эта армия была разбита и окружена в первые дни и недели войны из-за преступных просчетов Сталина, не сумевшего подготовить ни армию, ни страну к войне, из-за нелепых и глупых распоряжений Сталина в первый же день войны, из-за его ухода со своего поста в первую неделю войны, из-за недостатка в армии опытных командиров и комиссаров, уничтоженных Сталиным. Около трех миллионов солдат и командиров попали тогда в плен и еще около миллиона позднее в котлах под Вязьмой, под Харьковом, на Керченском полуострове, под Волховом. Но правительство Сталина предало своих солдат и в плену, отказавшись признать подлинную Россию под международной конвенцией о военнопленных, из-за чего не шла помощь советским пленным (и только им) через Международный Красный Крест, и обречены они были умирать от голода в германских концлагерях. И еще раз предал Сталин тех, кто выжил из этих пленных, когда после победы почти все они были арестованы и пополнили население «Архипелага ГУЛАГ». Это тройное предательство своих же воинов считает Солженицын самым тяжким и гнусным преступлением сталинского режима, невиданным за всю историю нашего тысячелетнего государственного существования. «Я ощутил», — пишет Солженицын, — что эта история нескольких миллионов русских пленников пришивает меня навсегда, как булава тарахана».

Лишь десятая часть пленных завербовалась во власовские части, в полицейские подразделения, в рабочие батальоны, в отряды добровольных помощников вермахта. Большинство завербованных искренне надеялось, подкомившись и получив оружие, перейти на сторону Советской Армии или партизанам. Это были, как скоро оказалось, ложные надежды, возможностей к такому переходу было слишком мало.

Солженицын не оправдывает и не воспевает этих отчаявшихся и несчастных людей. Но он просит суд потомков учесть и некоторые смягчающие их вину обстоятельства, эти молодые и часто не слишком грамотные, в большинстве своем деревенские парни были деморализованы поражением армии, им твердили в плену, что «Сталин от вас отказался», что «Сталину на вас наплевать», и они хорошо видели, что это так и есть и что их ждет голодная смерть в немецком лагере.

Конечно, не во всем можно согласиться с Солженицыным. Я не испытываю, например, никакой жалости к некоему Юрию Е., советскому офицеру, по рассказу Солженицына, не голодавшему в лагере и перешедшему на сторону гитлеровцев совершенно сознательно, ставшему немецким офицером и даже возглавившему школу разведчиков. Из книги Солженицына видно, что этот Юрий Е. перешел на сторону Советской Армии, уже видя полный разгром немцев, и не столько потому, что «Родина его погнала», а рассчитывая передать нашей разведке секреты немецкой разведки, то есть фактически перевербоваться из немецкой разведки в советское МГБ. Да еще уверен этот Юрий, что война СССР с союзниками вспыхнет сразу же после разгрома Германии и что Красная Армия в этой войне потерпит быстрое поражение.

Что касается жестокого сражения под Прагой нескольких крупных власовских подразделений с немецкими частями эсэсовского генерала Штейнера, то это исторический факт, который нельзя отрицать. Что было, то было.

Почти все власовцы получили 25 лет лагерей, их не коснулось ни одна амнистия, и почти все они погибли в заключении и в ссылке на Севере. Я также думаю, что для большинства из них это слишком тяжелая кара. Ибо Сталин повинен в этой трагедии гораздо больше, чем кто-либо другой.

О «ЛИБЕРАЛИЗМЕ» ГИТЛЕРОВЦЕВ И РУССКОГО ЦАРИЗМА. Обвиняют Солженицына и в том, что он умалчивает злодеяния гитлеровцев и жестокость русского царизма.

Изучение немецкого «Архипелага ГУЛАГ» не входило в задачу Солженицына, хотя он и говорит в ряде случаев о пытках в гестапо и о бесчеловечном обращении фашистов с советскими военнопленными. Но Солженицын, право же, нисколько не отступает от истины, когда пишет, что Сталин начал массовые репрессии, миллионные депортации и пытки и фальсифицированные процессы задолго до того, как Гитлер пришел к власти. И все это продолжалось у нас еще много лет спустя после разгрома германского фашизма.

Тем более русским царям в этом отношении трудно сравниться со Сталиным. О царской тюрьме и каторге Солженицын немало говорит в своей книге, это была частая тема разговоров между заключенными, особенно если среди них оказывался старый большевик (заключенные из других социалистических партий почти все умерли еще до войны). В этих разговорах старая тюрьма или ссылка представлялись заключенным 40-х годов чем-то вроде дома отдыха. Да и размах репрессий... В годы революции 1905—1907 гг. и в годы последующей реакции царские палачи расстреливали за год столько же рабочих, крестьян и солдат, сколько в 1937—1938 гг. расстреливалось в нашей стране или умирало узников в лагерях и тюрьмах в течение одного дня. Что уж тут сравнивать.

ЛУЧШАЯ ГЛАВА КНИГИ. Я думаю, что на разных людей в книге Солженицына произведут наибольшее впечатление различные главы. Для меня были особенно важны главы «Голубые канты» и «К высшей мере». Здесь автор достигает исключительной глубины в психологическом анализе поведения и тюремщиков, и их жертв. Солженицын идет здесь глубже, чем Достоевский.

Я вовсе не хочу сказать этим, что Солженицын более гениальный художник, чем Достоевский. Я не литературовед. Но очевидно, что сталинские тюрьмы и лагеря, этапы и пересылки, которые Солженицын прошел через сто лет после ареста и каторги Достоевского, дали автору «Архипелага ГУЛАГ» в десятки раз больше возможностей исследования различных форм и видов разращения человека злом и насилием, чем имел автор «Записок из Мертвого дома». И, конечно, Солженицын использовал эти трагические возможности так, как это мог сделать только великий писатель.

СОЛЖЕНИЦЫН О СТАЛИНЕ.

В книге Солженицына в различных местах содержится немало глубоких и точных, но высказанных как бы мимоходом характеристик Сталина и замечаний о его личности. Автор считает, однако, личную роль Сталина в постигшей нашу страну катастрофе и даже в создании изучаемого Солженицыным «Архипелага» настолько незначительной, что большая часть его высказываний о Сталине выносится из основного текста книги в короткие сноски и примечания. Так, в примечаниях на предпоследней странице тома Солженицын пишет: «И в предтюремные и в тюремные годы я тоже долго считал, что Сталин придал роковое направление ходу советской государственности. Но вот Сталин тихо умер — и уж так ли намного изменился курс корабля? Какой отпечаток собственный, личный, он придал событиям — это уныло тупость, самодурство, самовосхваление. А в остальном он точно шел стопой в указанную сторону».

Говоря очень кратко во второй главе о репрессиях 1937—1938 гг. (зачем говорить подробно о том, «что уже широко написано и еще будет многократно повторено»), когда в застенках НКВД были уничтожены основные кадры партийного руководства, партийной интеллигенции, командной и политического состава Красной Армии, большинство крупнейших хозяйственных руководителей, руководители комсомола, когда сменились насильственным образом верхи советского управления, верхи самого НКВД, дипломатического аппарата и т. д., Солженицын пишет (опять в примечании): «Теперь, видя китайскую культурную революцию (тоже на 17-м году после окончательной победы), мы можем с большой вероятностью законодирить тут историческую закономерность. И даже сам Сталин начинает казаться лишь слепой и поверхностной исполнительной силой».

ОТ РЕДАКЦИИ. «Правда» исходит из того, что для нас нет «запретных» тем и «белых» пятен. Все дело — в позиции, с которой мы обращаемся к этим темам. Гласность предполагает инакомыслие, плюрализм мнений. Поэтому редакция рассчитывает на разные суждения и по вопросам, поставленным Р. А. Медведевым еще 15 лет назад. Мы будем публиковать их.

С таким взглядом на роль и значение Сталина в трагедии 30-х годов согласиться трудно. Конечно, было бы ошибочным полностью отрывать эпоху сталинского террора от предшествующей революционной эпохи. Какой-то коренной, резко очерченной границы между этими эпохами не было ни в 1937, как думают многие, ни в 1934 году, как утверждал Хрущев, ни в 1929 году, как это думал ранее сам Солженицын, ни в 1924 году, когда умер Ленин и была разбита троцкистская оппозиция, ни в 1922 году, когда Сталин был избран Генсеком ЦК РКП(б). И вместе с тем в каждый из этих годов, да и в некоторые другие происходил все же весьма существенный поворот в политике, что требует особого рассмотрения.

Конечно же, существует преемственная связь между той партией, которая взяла власть в октябре 1917 года, и той, которая стояла во главе СССР в 1937 году, в 1947 году, в 1957 и в 1967 году, когда Солженицын заканчивал «Архипелаг ГУЛАГ». Но эта связь не означает идентичности или гармонического развития. Не стопа в стопу шел Сталин. Он и в первые годы революции не всегда следовал ленинской стопе. А уж потом он с каждым шагом уводил партию в другую сторону. Внешнее сходство в данном случае лишь маскирует очень большое внутреннее различие, в некоторых отношениях даже противоположность, и переход в эту противоположность вовсе не был закономерным, детерминированным, неизбежным. Более глубокий научный анализ, которому, несомненно, будут еще подвергнуты события, о которых пишет в своем художественном исследовании Солженицын, неопорно покажет, что даже внутри и в рамках той системы партийных, государственных и общественных отношений, которая была создана в России при Ленине, Сталин произвел в несколько приемов коренной переворот, сохранив лишь внешнюю оболочку так называемых ленинских норм, лишь терминологию марксизма-ленинизма. Сталинизм во многих отношениях есть отрицание и крововое уничтожение большевизма и всех революционных сил. В определенном смысле сталинизм — это самая настоящая контрреволюция. Разумеется, мы вовсе не считаем, что система, созданная в первые годы Советской власти, была верхом совершенства и что ленинское наследие и ленинский период в истории нашей революции не нуждаются в самом серьезном критическом анализе.

Солженицын не ставит своей задачей исследовать феномен сталинизма, его природу, особенности, историю его развития, его предпосылки. Вероятно, для Солженицына просто не существует такого понятия, как сталинизм, ведь Сталин лишь «точкой шел стопой в указанную сторону».

В книге Солженицына почти нет того, что можно было бы назвать историческим фоном. Эта книга начинается главой «Арест», чем автор сразу подчеркивает, что он исследует и описывает лишь мир заключенных, мир отверженных, таинственную и страшную страну ГУЛАГ, ее географию, структуру, общественное устройство, ее писаные и неписаные законы, ее население, ее нравы, ее владык и ее подданных. Да и не очень нужен Солженицыну этот исторический фон, ведь, по представлениям Солженицына, «Архипелаг ГУЛАГ» появился еще в 1918 году и развивался с тех пор по какому-то своим внутренним законам.

Эта односторонность, нарушаемая, правда, отдельными нередко весьма глубокими по мысли замечаниями, сохраняется на протяжении всего тома. Конечно, такой подход — законное право автора.

И все же, не говоря ни слова о сталинизме и как бы отрицая правомерность такого понятия вообще, Солженицын своим художественным исследованием одной из самых главных частей сталинской системы очень помогает изучению и всей преступной и бесчеловечной системы сталинизма. Солженицын не прав, полагая, что эта система сохранилась в своих основных чертах и сегодня, но она и не ушла еще совсем из нашей общественной, политической и духовной жизни. Книга Солженицына наносит по сталинизму и неосталинизму удар очень большой силы. Никто из нас не сделал в этом отношении больше, чем Солженицын.

Рой МЕДВЕДЕВ.

* Все даты даны по публикации 1974 г.